

М. П. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

ОБРАЗОВАНИЕ НОРВЕЖСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Образование норвежского национального языка протекает сложным и своеобразным путем. С одной стороны, еще недавно было очевидным, что норвежцы — это нация с языковой нормой, общей для двух наций (норвежской и датской). С другой стороны, в течение последних десятилетий стало бесспорным не только, что норвежский язык отличен от датского, но также, что в Норвегии в сущности целых две национальных нормы, которые отличны от национальных норм других скандинавских наций. Таким образом, Норвегия в очень короткий срок превратилась из нации с языковой нормой, общей для двух наций, в нацию с двумя национальными нормами, отличными от языковых норм других наций.

Каким образом это могло произойти и так ли это в действительности? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть основные моменты истории норвежского языка и норвежского народа в свете учения И. В. Сталина о нациях и национальных языках.

«Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период поднимающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами»¹. В этих словах раскрыта вся сущность процесса образования национального языка.

Древненорвежское государство возникло еще в IX в., приблизительно одновременно с датским и шведским государствами, в результате перерастания союза родственных племен в варварское государство. Таким образом, норвежская народность сложилась на основе не только общего происхождения, но также и политической общности. Повидимому, она сложилась еще в «эпоху викингов» (IX—XI вв.). Уже в так называемом «Рассказе Охтхера» (т. е. записи, сделанной уссекским королем Альфредом в конце IX в.) встречаются слова «норвежен» (др.-англ. *norðmann*) и «Норвегия» (др.-англ. *Norðmannaland*, буквально «страна норвежцев»). «Урмане» (т. е. «норвежд») упоминаются также в древнерусской «Повести временных лет» под 862 годом.

Еще в древности язык норвежской народности был применен в письменности. Древнейшие норвежские рукописи относятся к XII в. Язык этих рукописей, т. е. древненорвежский письменный язык, как и другие средневековые письменные языки, возникшие на основе народно-разговорного языка, не был единообразен. В разных норвежских центрах письменности он имел разную диалектальную основу. Менялись и сами норвежские центры

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 41, стр. 336.

письменности. Так, основным политическим и культурным центром Норвегии в XI и XII вв. был Берген (в Вестланне, т. е. западной Норвегии), с середины XII в. — Нидарос, т. е. Тронхейм (в Трённелаге), в XIII в. Берген и Нидарос попеременно, с конца XIII в. — Осло (в Эстланне, т. е. юго-восточной Норвегии).

Несомненно, еще менее единообразным был разговорный язык норвежской народности. Однако норвежская языковая общность тем не менее несомненно сознавалась говорящими как общность. Это подтверждается тем, что в древних памятниках говорится неоднократно о «норвежском языке» (*norðrft mál* или *norðrft tunga*) как языке, общем для всей Норвегии и ее колоний (Исландия и т. д.). Характерно, впрочем, что и различия между языками отдельных скандинавских народностей, повидимому, не осознавались в древности как существенные, поскольку в древнескандинавской литературе «датским языком» называется иногда скандинавская речь вообще, подобно тому, как в Англии «давами» назывались в эпоху викингов скандинавы вообще.

До второй половины XIV в. Норвегия шла по тому же пути социального развития, что и другие скандинавские страны, т. е. по пути феодализации. Во второй половине XIV в. в Норвегии наступил общий экономический упадок, причины которого еще до конца не раскрыты, и страна как бы остановилась в своем развитии. В силу этого с конца XIV в. Норвегия попала в экономическую и политическую зависимость от Дании и прекратила свое существование как самостоятельное государство на четыреста с лишком лет (до 1814 г.). Она превратилась в отсталую датскую колонию, лишенную своего собственного культурного центра, своей литературы, своей письменной традиции. Феодальная зависимость привела в ней форму зависимости более или менее свободных крестьян от иноземных феодалов. Таким образом, в Норвегии, говоря словами И. В. Сталина, «...единный язык народности, не ставшей еще нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности»².

Литературная деятельность прекратилась в Норвегии еще с конца XIV в. в силу общего экономического и политического упадка. Почти единственными памятниками норвежского языка в XIV—XV вв. являются административные и юридические документы. С XV в. в Норвегии начал применяться датский письменный язык, сложившийся к той эпохе на основе говоров Зеландии — острова, на котором в ту эпоху находился политический и культурный центр датского феодального государства. Уже к XVI в. датский письменный язык стал в Норвегии языком администрации, поскольку страной управляло датское чиновничество. В XVI в. датский письменный язык завоевал в Норвегии новые позиции. На датский язык были переведены старые норвежские законы. Таким образом, датский письменный язык стал в Норвегии и языком законодательства. К концу XVI в. датский письменный язык стал в Норвегии и языком судопроизводства. В результате реформации датский язык заменил в Норвегии латынь как язык церкви и школы, поскольку реформация была навязана норвежскому народу датской церковной администрацией с целью укрепления датской власти в стране. Введение книгопечатания и распространение датских книг в Норвегии (в частности, библии, т. е. книги, которая имела в ту эпоху наибольшее распространение) сделало датский язык в Норвегии языком книги вообще. Таким образом, датский письменный язык совершенно вытеснил норвежский во всех областях социальной жизни,

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1951, стр. 41.

« которых письменный язык в ту эпоху применялся. Распространение датского письменного языка в Норвегии росло в последующие века по мере распространения грамотности и достигло своего апогея в XIX веке.

Однако существование имеет в виду, что оттеснение норвежского письменного языка датским и распространение датского языка как языка книжного не означало какого-либо изменения в распространении норвежского народно-разговорного языка, который продолжал свое существование в форме ряда родственных говоров, хотя и не находил отражения в письменности. Таким образом, в Норвегии образовался разрыв между письменным языком — датским — и народно-разговорным — норвежским.

Вместе с тем письменный язык стал в Дании и Норвегии общим. Правда, в произведениях норвежских авторов XVI—XVIII вв. встречаются норвежские диалектальные слова или формы, особенно, когда они пишут о том, что специфично для Норвегии. Несмотря, однако, на эти норвегизмы (которые осознавались как провинциализмы и поэтому избегались), язык, на котором они писали, был датским литературным языком. Таким был язык всех норвежских авторов с XVI по XIX в., и таким был также язык крупнейшего классика датской литературы, норвежца родом, Людвиг Хольберга.

Распространению датского письменного языка в Норвегии, несомненно, способствовало близкое родство между датским и норвежским языками. В сущности, наиболее существенные различия между ними имели место в фонетике, причем нередко эти различия не находили никакого отражения в письме, поскольку датская орфография уже в XV в. отставала от произношения. Различия эти сводились к следующему: в датских говорах произошла озвончение и спирантизация глухих смычных в положении после гласного (так называемый «датский перебой согласных»), тогда как в норвежских говорах сохранились глухие смычные; в датских говорах произошла вокализация *v* и *g* в положении после гласного, тогда как в норвежских говорах она не имела места; в датских говорах музыкальное ударение уступало место так называемому «толчку», тогда как в норвежских говорах сохранилось музыкальное ударение; с другой стороны, в норвежских говорах *g*, *k*, *sk* перед гласными переднего ряда превратились в щелевые, тогда как в датских говорах они оставались смычными; в норвежских говорах, в отличие от датских, установилось так называемое «слоговое равновесие», и т. д.

Таким образом, датский письменный язык представлял для норвежца в сущности не больше трудности, чем древнорвежский письменный язык, который тоже уже в XV в. отставал в своей орфографии от народно-разговорного языка. Норвежцы, несомненно, могли читать датский текст, сокращая свои норвежские диалектальные особенности. Именно поэтому распространение датского письменного языка в Норвегии осуществилось без каких-либо сознательных усилий со стороны датского правительства и не встретило в Норвегии никакого сопротивления. Характерно, например, что норвежские крестьяне, восставшие в 1536 г. против засилья датского чиновничества, пользуются в своем манифесте датским, а не норвежским языком.

С другой стороны, именно в силу близкого родства между датским и норвежским языками взаимодействие между ними, которое имело место в норвежских городах, привело в конечном счете к образованию своего рода смешанного городского говора, с лексикой и морфологией, равняющимися по датскому письменному языку, но с фонетикой и строем предложения, равняющимися по норвежскому народно-разговорному языку. Этому смешанному городскому говору суждено было впоследствии сыграть важнейшую роль в образовании норвежской национальной нормы.

Поэтому история его должна была бы занять центральное место в истории норвежского национального языка. Однако история его, естественно, очень темна, как и история всякого бесписьменного говора.

Повидимому, в XVI в. в норвежских городах господствовали местные норвежские говоры. Эти говоры, и особенно говор Осло (в 1624 г. вновь заложеного и получившего название Кристианиа), и вступили во взаимодействие с датским письменным языком. Предполагается, что зародышем смешанного городского говора было чтение датского текста с подстановкой норвежских фонетических особенностей, которое могло иметь место еще в XVI в. Такой язык чтения должен был первоначально иметь очень узкое применение и распространение. В XVIII в. в норвежских городах, повидимому, уже говорили на смешанном говоре, основанном на датском письменном языке, но с норвежской фонетикой.

Сфера распространения этого городского говора, несомненно, менялась в течение его истории. Распространению его способствовал рост норвежских городов и, в частности, рост Осло. С другой стороны, менялся, вероятно, и его состав, т. е. соотношение в нем датских и норвежских элементов, в зависимости от сферы его распространения и общей языковой ситуации. Так, с середины XIX в. норвежские элементы стали в нем усиливаться, в связи с резким увеличением городского населения и общим изменением языковой ситуации. Этот городской говор, повидимому, всегда находился в более или менее тесном взаимодействии с говорами юго-восточной Норвегии, т. е. говорами той области, в которой расположен крупнейший норвежский город — Осло — и которая уже с XIV в. стала экономически наиболее важной областью страны.

Этот смешанный городской говор является ответвлением датского языка, поскольку по своему словарному составу и грамматическому строю он всего ближе к датскому литературному языку. В то же время он близок и к норвежскому языку, поскольку по своей фонетике (а, как указывалось выше, наиболее существенные различия между датским языком и норвежскими говорами имеют место именно в фонетике) он явно притягивает к норвежским говорам. Есть в нем также и элементы норвежской диалектальной лексики и грамматики.

История норвежского национального языка не может быть отделена от истории норвежской нации. Как известно, «...нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нацию»³. В Дании капиталистические отношения начали развиваться раньше, чем в Норвегии. Поэтому датчане сложились в нацию раньше, чем норвежцы, и норвежцы оказались включенными в датское национальное государство. «...Проснувшиеся к самостоятельной жизни отеснённые нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своём пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоёв командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!..»⁴

До пробуждения к самостоятельной национальной жизни Норвегия была отсталой датской колонией. В ней не было ни своего культурного центра, ни своей литературы и науки. Столица Дании была в то же время культурным центром для Норвегии. Норвежцы могли получать университетское образование только в Копенгагене. Первая книгопечатня открылась в Норвегии (да и то по инициативе датского священника) только

³ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 303.

⁴ Там же, стр. 304.

в 1643 г. До этого в Норвегии имели распространение исключительно книги, напечатанные в Копенгагене. Национальное движение возникло в Норвегии в XVIII в. Оно проявилось в том, что норвежская национальная буржуазия, сложившаяся к этому времени, стала требовать от датского правительства учреждения норвежской торговой палаты, норвежского банка, норвежского университета и т. д.

В 1814 г. произошло отделение Норвегии от Дании и передача ее Швеции. Норвегия превратилась в почти независимое самоуправляющееся национальное государство со своим парламентом и сравнительно демократической конституцией. Еще несколько раньше (в 1811 г.) в Кристиании (Осло) был основан университет, и таким образом в Норвегии возник свой культурный центр. Норвежская национальная буржуазия начала освобождаться от культурного влияния Дании и бороться за свое национальное самоутверждение.

Образование нации сопровождается превращением языка народности в язык нации, а превращение языка народности в язык нации заключается в том, что в стране начинаются процессы, характерные для языка нации, и в первую очередь — процесс выработки общенациональной языковой нормы, распространения этой нормы по территории страны за счет отщеснения местных диалектов и перемалывания их в этой единой общенациональной норме. В результате образования норвежской нации в Норвегии и начался этот процесс, но он был осложнен тем обстоятельством, что выработка письменной и устной национальной нормы шла различными путями.

На роль национальной письменной нормы в Норвегии естественно могла претендовать только датская письменная норма, поскольку, как указывалось, датский письменный язык уже давно вытеснил в Норвегии туземный письменный язык.

Интересно отметить, что позиции датской письменной нормы в Норвегии стали заметно усиливаться с момента сложения норвежской нации. Этому способствовало улучшение преподавания в школе, распространение грамотности, усиление влияния печатного слова. Норвежская национальная буржуазия не выдвигала никаких языковых требований. Она была готова удовлетвориться датским литературным языком как национальной нормой, тем более, что датский литературный язык был разработан не только писателями датчанами, но и таким выдающимся писателем норвежцем, как Людвиг Хольберг. Распространение датской письменной нормы в Норвегии продолжалось и в XIX в., когда оно достигло своего апогея.

Между тем датская устная норма не получила никакого распространения в Норвегии. Известно, правда, что в норвежском театре в Христиании (основанном в 1827 г.) до середины XIX в. играли датские артисты и господствовало датское произношение. Однако вне театральной сцены датская устная норма не получила распространения в Норвегии даже в городах.

Перелом в истории норвежского национального языка именно и произошел в результате того, что в норвежском обществе назрела потребность в устной национальной норме, а вовсе не в результате усиления антидатских настроений в норвежском обществе, как утверждают норвежские исследователи вопроса. Антидатские настроения сами по себе не оказали и не могли оказать никакого влияния на распространение датской письменной нормы в Норвегии, поскольку эта норма уже давно имела в Норвегии твердую почву. Но совершенно иначе обстояло дело с датской устной нормой, которая не имела в Норвегии никакой почвы, даже в городах, где господствовал смешанный городской говор, о котором была речь выше. Поэтому именно потребность в устной национальной норме и должна была

вызвать в норвежском обществе осознание разрыва между народно-разговорным языком — норвежским — и письменным языком — датским. В свою очередь, осознание этого разрыва вызвало потребность в его преодолении.

В сущности, в таком же положении оказывались и другие «оппозитивные» нации, у которых язык командующей нации успел занять положение письменного, литературного языка. Образование национального языка и заключалось у таких наций в постепенном вытеснении языка командующей нации с его позиций языком туземным. Так было, например, в Финляндии, где шведский язык был недавно оттеснен финским с его положения единственного литературного языка в стране. Но особенностью норвежского языкового развития является то, что в Норвегии язык командующей нации настолько близко родственен туземному языку, что, с одной стороны, как уже указывалось, возможно было образование смешанного городского разговорного языка, а с другой стороны, возможно было использование датского литературного языка как норвежской национальной письменной нормы.

Борьба за устранение разрыва между письменным и народно-разговорным языком началась в Норвегии в первой половине XIX в. и продолжается до сих пор. История этой борьбы является в то же время историей борьбы за норвежскую национальную норму не только устную, но и письменную. Борьба эта шла с середины XIX в. в двух различных направлениях, настолько различных, что с течением времени стало возможным говорить о наличии в Норвегии двух литературных языков, отличных от датского. Эти два языка — это так называемые риксмол (riksmål) и лансмол (landsmål), т. е. буквально «государственный язык» и «народный язык», — названия, впрочем, такие же условные, как и недавно ставшие официальными «книжный язык» (bokmål) и «новонорвежский» (nynorsk). Каждое из этих направлений заслуживает подробного рассмотрения.

Сущность первого из них заключалась в стремлении положить в основу национальной нормы, как письменной, так и устной, тот смешанный городской говор, который образовался в результате взаимодействия датского письменного языка с норвежскими городскими говорами, и таким образом преодолеть разрыв между письменным и народно-разговорными языками. Деятельность сторонников этого направления сводилась поэтому в основном к попыткам легализовать норвежское городское (т. е. преимущественно ослоское) произношение, отразить это произношение в письме, а также ввести в литературный язык специфически норвежские слова, формы или обороты, употребительные в городском разговорном языке. Эту деятельность принято называть «норвегизацией» литературного языка. Ее результатом и является та форма норвежской национальной нормы, которая в 1890 г., по предложению Бьёрнстjerne Бьёрнсена, получила название «риксмол».

Пионером этого направления был поэт Хенрик Вергеланн (1808—1845), который еще в 30-х годах XIX в. выступал против различия между «вульгарным» и «культурным» языками и пытался «норвегизировать» литературный язык путем его обогащения специфически норвежскими словами и формами и приближения его орфографии к норвежскому городскому произношению. Для Вергеланна норвегизация литературного языка была вместе с тем борьбой против различия между «культурным» и «вульгарным» языками, т. е. борьбой за демократизацию литературного языка, за приближение его к народно-разговорной основе. Однако Вергеланну не всегда удавалось осуществить свои принципы на практике. Язык его главных произведений в сущности не отличается от языка его идейного против-

ника, сторонника датской литературной и языковой традиции, поэта Ю. С. Вельхавена.

Переломным моментом в истории этого направления был выход в свет в 1841—1844 гг. собрания норвежских народных сказок в обработке Петера Кристиана Асбьёрнсена и Ергена Му. В этих сказках Асбьёрнсен и Му следовали датской морфологии и даже данизировали норвежские диалектальные слова, которые они вводили в ограниченном количестве, но в синтаксисе сохраняли особенности норвежской народной речи. Таким образом, Асбьёрнсену и Му впервые в истории норвежской литературы удалось приблизиться к народно-разговорному стилю речи, оставаясь в рамках литературного языка. Поэтому язык этих сказок оказал огромное влияние на дальнейшее развитие литературного языка в Норвегии. Своей популярностью эти сказки как бы открыли путь для притока народно-разговорных элементов в литературный язык. Вместе с тем характерно, что большая часть сказок, обработанных Асбьёрнсеном и Му, была собрана ими в Эстланне, т. е. районе, говоры которого всего ближе к говору Осло.

Крупнейшим деятелем направления, о котором идет речь, был учитель Кнуд Кнудсен (1812—1895), который в продолжение полувека вел борьбу за орфографическую реформу языка, за легализацию норвежского городского произношения и за введение в литературный язык слов и форм из городского разговорного языка, т. е. за «норвегизацию» литературного языка.

Важнейшими этапами в истории этого направления были борьба за норвежское произношение на сцене и в школе, которая завершилась в 80-х годах XIX в., и борьба за отражение этого произношения в письме, которая только в XX в. привела, наконец, к орфографическим реформам (1907, 1917 и 1938 гг.). В результате этих реформ, которые в известной мере касались и морфологии, поскольку они легализовали три рода у существительных (вместо двух), определенные окончания множественного числа, прошедшего времени и т. д., норвежский литературный язык (т. е. риксмол) и в своей письменной форме стал отличаться от датского не меньше, чем от шведского. Впрочем, следует отметить, что еще и сейчас основные отличия датского от риксмолла — в его фонетике, тогда как основные отличия шведского от риксмолла — в его лексике и морфологии. До орфографических реформ, т. е. собственно до первой орфографической реформы (1907 г.), которая в соответствии с общенорвежским произношением заменила *v, d, g* на *p, t, k*, риксмол в своей письменной форме в сущности не отличался от датского письменного языка.

Все наиболее значительные произведения норвежской литературы написаны на риксмолле. Риксмол — обычный язык норвежской литературы и науки. Тем не менее риксмол — это только одно из направлений, в котором происходит становление норвежской национальной языковой нормы. Существует еще и другое направление, в котором происходит это становление, и соответственно другая форма норвежского литературного языка — так называемый «слансмол».

Сущность этого второго направления заключалась в стремлении положить в основу норвежской национальной языковой нормы всю совокупность норвежских местных говоров, синтезируя их путем отбора, и таким путем преодолеть разрыв между письменным и народно-разговорным языком. Вместе с тем сущность этого направления заключалась в стремлении свести до минимума роль смешанного городского говора в образовании национальной нормы, поскольку этот говор не давал для нее достаточно широкой основы.

В самом деле, хотя принятие смешанного городского говора, т. е. говора культурного, политического и экономического центра страны, в качестве

основы национальной языковой нормы как будто и является наиболее естественным путем развития такой нормы, в Норвегии оно все же само по себе не приводило к ликвидации разрыва между письменным и народно-разговорным языком, поскольку расхождение между этим говором или основной на нем нормой и остальными норвежскими говорами или диалектами, не легшими в основу этой нормы, было все же слишком велико.

В Норвегии, как стране, которая до сравнительно совсем недавнего времени, была чисто крестьянской страной с преобладанием мелкотоварного уклада и незначительным городским населением, притом стране, открытой горами, образующими резкие естественные границы между отдельными районами, диалектальная раздробленность очень сильна и устойчива. В сущности, каждая долина в Норвегии имеет свой говор. При этом, поскольку для Норвегии было характерно отсутствие сколько-нибудь значительных перемещений населения на протяжении ее истории, диалектальные границы в Норвегии, повидимому, претерпели сравнительно мало изменений со времени образования норвежского государства. Характерно, что нередко в диалектальных границах современной Норвегии прощупывается древнее расселение по племенам. Так, например, основная диалектальная граница в пределах страны — граница, отделяющая восточно-норвежские говоры от западнонорвежских по признаку наличия или отсутствия в них так называемых «равновесия гласных» и «толстого» *l* — явно совпадает с древней восточной границей племенного союза гулатингслаг.

Значительная перетасовка населения, вызванная широкой внутренней колонизацией, имела место только на юго-востоке Норвегии (в Эстланне), поскольку именно там всего больше годной для обработки земли, которая постепенно осваивалась по мере роста народонаселения. Характерно, что именно на юго-востоке Норвегии диалектальная раздробленность сравнительно слабее. Напротив, она всего сильнее в изрезанном высокими горами и глубокими фьордами Вестланне (западной Норвегии), где годной для обработки земли ничтожное количество.

Расхождения между отдельными местными норвежскими диалектами, несмотря на то, что все они норвежские, т. е. все они осознаются как диалекты одного языка, значительны. Как известно, местные диалекты, в отличие от классовых жаргонов, «...обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд»⁵. Некоторые из норвежских местных диалектов (восточные) имеют общие черты с шведской национальной нормой, другие (западные) имеют общие черты с исландской национальной нормой, третьи (южные) имеют общие черты с датской национальной нормой. Синтезировать эти диалекты в норвежскую общенациональную норму — задача очень трудная.

Идею создания национальной письменной нормы на основе синтеза диалектов высказал еще в 30-х годах XIX в. норвежский филолог П. А. Мунк (1810—1863). Мунк считал, что такая норма должна быть возможно более близкой к древненорвежской. Первоначально он даже считал, что следует просто восстановить древненорвежские грамматические формы. На эту мысль его навело новогреческое языковое движение с его ориентацией на древнегреческий язык. Издавая норвежские народные баллады, Мунк воспроизводил их в древненорвежской орфографии, восстанавливая давно утраченные окончания и звуки. Вместе с тем характерно, что Мунк был принципиальным противником норвегизации литературного языка и считал, что она приводит только к его вульгаризации.

Первая попытка синтеза диалектальных форм была сделана знаменитым норвежским языковедом-самоучкой Иваром Осеном (1813—1896),

⁵ И. С т е в л и н, Марксизм и вопросы языкознания, М., 1951, стр. 43.

который вместе с тем был и первым исследователем норвежских местных диалектов. Правда, еще в середине XVIII в., в связи с возникновением национального движения, в Норвегии пробудился интерес к родной стране, и ко истории и к ее местным диалектам. Однако интерес к туземным диалектам ограничивался до Осена тем, что провинциальные любители собирали местные диалектальные слова. В литературе диалект использовался только для комического эффекта, поскольку он осознавался как испорченный литературный язык.

В 1853 г. Осен издал «Образчики народного языка в Норвегии», т. е. антологию текстов на разных норвежских диалектах (всего на 31 диалекте, из которых пять было восточнорвежских и 26 — западнорвежских). В приложении к этой антологии Осен опубликовал несколько текстов на нормализованном языке, в котором он стремился дать синтез диалектальных форм. Нормализованный язык этих текстов и был первым образчиком той письменной нормы, которая получила название лансмол.

Осен считается поэту создателем лансмол. Само собой разумеется, однако, что норма, предложенная Осеном, осталась бы курьезом, чисто книжным экспериментом, известным только ограниченному кругу специалистов и не имеющим никакого практического значения, если бы она в какой-то мере не выражала назревшую потребность. Значение Осена преувеличивают не только его сторонники, которые считают его единичным создателем норвежской общенациональной нормы, но также и его противники, которые объясняют то, что им кажется неприемлемым в лансмол, личными качествами Осена, его односторонностью, его слепой привязанностью к косному крестьянскому быту и т. д.

Не случайно лансмол Осена не долго оставался единичным экспериментом. Уже в конце 50-х годов он стал применяться в литературе. В 50—60-х годах на лансмол писал свои произведения и издавал свой журнал выдающийся норвежский писатель Осмуни Винье (1818—1876), который оказал значительное влияние на развитие норвежской литературы. В 70-х годах лансмол получил поддержку в крестьянских массах некоторых областей страны, особенно в Вестланне (западной Норвегии), где диалекты наиболее отличны от смешанного городского говора, на котором основан риксмол, и наименее втянуты в центростремительные процессы, характерные для языка нации, т. е. наиболее устойчивы.

Вестлани был родиной и самого Осена (точнее, приход Эрста, фюльке Мёре, около города Олесунна). Поэтому естественно, что родной говор Осена и послужил основой для создания общенорвежской нормы. Его лансмол, естественно, не мог быть арифметическим средним множества говоров. Каким-то из них он должен был отдать предпочтение. И он действительно отдавал предпочтение некоторым из них, именно западнорвежским говорам, т. е. говорам, наиболее близким к его родному говору. Теоретическим обоснованием этого предпочтения было то, что именно в западнорвежских говорах он находил наиболее «ископные» и наиболее «совершенные» формы, т. е. формы с наименее редуцированными окончаниями и, следовательно, наиболее близкие к древненорвежскому письменному языку. Таким образом, Осен как патриот и романтик представлял себе, что он восстанавливает язык, утраченный его народом.

В 70-х годах лансмол стал одним из пунктов программы так называемой «левой партии» (venstre partiet), которая пользовалась поддержкой крестьянских масс. Благодаря тому, что в 1884 г. эта партия пришла к власти, норвежский стуртинг принял ряд постановлений, обеспечивших за лансмолем воложение государственного языка наравне с риксмолем. В ряде общин (главным образом, конечно, Вестланне) лансмол был принят в качестве основного языка в начальной школе, которая пользуется в Нор-

вегии языковой автономией. Положение в начальной школе собственно и является основной опорой лансмолла. В начальной школе всякий норвежец получает с ним знакомство. В литературе он нашел значительно меньшее применение, чем риксмол, а в науке — почти никакого.

С 50-х годов прошлого века между сторонниками риксмолла и сторонниками лансмолла идет ожесточенная борьба. В этой борьбе в большей или меньшей мере принимали участие все крупнейшие деятели норвежской литературы и норвежского языковедения. Борьба эта не ограничивалась полемикой. Нередко она принимала формы практических мероприятий, которые способствовали распространению той или иной формы языка (организация сторонников лансмолла и риксмолла в общества, разъяснительные кампании, требования языкового плебисцита, издание текстов на риксмолле и лансмолле, издание словарей риксмолла и лансмолла, учреждение кафедр риксмолла и лансмолла в университетах и т. д.).

Практические результаты этой борьбы трудно поддаются учету. В течение последних десятилетий XIX в. наступающей стороной были в основном сторонники лансмолла, которые пользовались поддержкой влиятельной политической партии. В XX в. сторонники риксмолла стали более организованно сопротивляться наступлению, вследствие чего борьба как бы приняла форму затяжной позиционной войны. Вместе с тем в XX в. появилась и третья языковая партия — партия примиренцев, т. е. сторонников сближения риксмолла и лансмолла как средства разрешения языковой проблемы. Появление этой третьей языковой партии собственно и было вызвано тем, что борьба между риксмоллом и лансмоллом явно не приводила и не могла привести в ближайшем будущем к победе ни той, ни другой стороны.

О перипетиях борьбы между сторонниками риксмолла и лансмолла можно было бы рассказать очень много. Однако, что касается теоретической стороны этой борьбы, то она в сущности не представляет принципиального интереса. В полемике между собой как сторонники риксмолла, так и сторонники лансмолла бесконечно повторяли все те же доводы, причем как доводы сторонников риксмолла, так и доводы сторонников лансмолла были обычно одинаково несостоятельны.

Основным доводом против лансмолла всегда было то, что это язык искусственный, язык, который существует только в письме, только на бумаге и который поэтому не может стать национальной нормой. Лансмол действительно был бы немислим без сознательной нормативной деятельности его сторонников, и в этом смысле он язык искусственный. Однако, выдвигая это в качестве довода против лансмолла, сторонники риксмолла забывали, что образование национальной нормы всегда сопровождается такой деятельностью, что без сознательной унификации и нормализации немисливо формирование национальной нормы вообще. Они забывали также, что и образование риксмолла сопровождалось нормативной деятельностью его сторонников и что в этом смысле риксмол — тоже искусственная норма.

Вместе с тем лансмол действительно единообразен только в своей письменной форме. У него есть более или менее единообразная орфография, но у него нет единообразной фонетики. Говорящие на лансмолле всегда сохраняют свое диалектальное произношение. Однако и в риксмолле написание значительно более единообразно, чем произношение. Таким образом, и в этом отношении никакого принципиального различия между риксмоллом и лансмоллом в сущности нет.

Основным доводом, который сторонники лансмолла выдвигали против риксмолла, всегда было то, что риксмол — это язык в сущности датский, т. е. иностранный по происхождению, и что он поэтому не может быть

норвежской национальной нормой. Конечно, и этот довод несостоятелен. Даже если бы риксмол и датский язык были совершенно тождественны (какими они были в их письменной форме до недавних норвежских орфографических реформ), это не исключало бы для них возможности быть языком двух разных наций. «Общий язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций! Нет нации, которая бы говорила сразу на разных языках, но это ещё не значит, что не может быть двух наций, говорящих на одном языке! Англичане и северо-американцы говорят на одном языке, и всё-таки они не составляют одной нации. То же самое нужно сказать о норвежцах и датчанах, англичанах и ирландцах»⁶. Таково исчерпывающее решение вопроса.

Если бы датский язык в Норвегии был таким же общенародным языком, каким английский всегда был в США или каким английский, в силу исторических условий, стал в Ирландии, то он бы стал национальной нормой в Норвегии, как бы ни противились этому норвежские националисты. Вопрос о национальном языке — это, несомненно, для каждой данной нации вопрос не теоретический, а чисто практический. Дело не в том, какая форма языка «более норвежская» с исторической точки зрения, а в том, какая форма языка действительно имеет общенародную почву как орудие общения.

Наиболее существенное в борьбе риксмол и лансмол — это то, что в ходе взаимной борьбы они постоянно влияли друг на друга и тем самым заставляли друг друга развиваться дальше в направлении ликвидации разрыва между письменным и народно-разговорным языками.

В самом деле и лансмол и риксмол претерпели сильные изменения на протяжении своей истории, и эти изменения были взаимно обусловлены. Так, лансмол Осена и его эпохи равнялся в основном по диалектам Вестланна (западной Норвегии). В своем дальнейшем развитии лансмол все больше учитывал и диалекты Эстланна (т. е. юго-восточной Норвегии), тем самым приближаясь к риксмолу. Это может иллюстрировать следующий пример: по орфографической реформе 1917 г. инфинитивы на -e, которые являются правилом в риксмоле (kaste «бросать», lese «читать») и которые чередуются с инфинитивами на -a по особому закону в говорах Эстланна (kasta и lesa), были легализованы в лансмолу наряду с инфинитивами на -a, которые являются правилом в большинстве говоров Вестланна (kasta, lesa) и которые раньше были правилом в лансмолу.

Первоначальный лансмол, и особенно лансмол бергенских последователей Осена, отдавал предпочтение формам, наиболее близким к древненорвежским, независимо от их распространения. Такая подмена современной диалектальной речи древненорвежским письменным языком в общем была закономерна для своей эпохи, поскольку древненорвежская письменная норма, хотя и не соответствовала диалектальной речи, конечно, все же была в некоторых отношениях ближе к ней, чем датская письменная норма (т. е. норма риксмолу того времени). Не случайно поэтому издатели норвежской народной поэзии середины XIX в. (Мунк, Ландстад) воспроизводили эту поэзию в древненорвежской орфографии.

В своем дальнейшем развитии лансмол, однако, все больше отходил от древненорвежской письменной нормы. Так, например, введенное Осеном окончание -i в единственном числе существительных слабого склонения женского рода с суффиксированным определенным артиклем (например, bygdі «район») было постепенно вытеснено окончанием -a (bygda). Первое окончание всего ближе к древненорвежскому (bygdin), но оно представлено всего реже в диалектах (только в некоторых говорах наиболее гористых

⁶ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 294.

внутренних областей Норвегии — у верхней части Согне-Фьорда и в Телемерке). Наряду с этим окончанием в норвежских диалектах эта форма имеет также окончания -ei, -e, æ, -å, -o, но наибольшее распространение имеет окончание -a (bygda), которое характерно для всей восточной Норвегии и которое получает все большее применение и в риксмоле, вытесняя характерное для датского языка окончание общего рода -en (bygden).

Орфография Осена была в основном этимологична. В ряде случаев она отражала не современное диалектальное, а древнорвежское произношение. Так, например, он писал *huset* «дом», *korñ* «зерно», *ord* «слово», хотя звуки *t*, *g*, *d* уже давно не произносились в этих словах в норвежских диалектах. В дальнейшем этимологическое написание сохранилось в лансмоле в основном только в тех случаях, когда оно совпадает с написанием в риксмоле, тоже этимологическим (как во всех трех приведенных словах).

В отношении лексики Осен и в еще большей степени его бергенские последователи были крайними пуристами. Они устраняли все слова иностранного происхождения, в том числе и старые заимствования и кальки, которые давно вошли в народно-разговорный язык, а также так называемые «культурные» слова, общие для всех европейских языков. Материалом для замены служила им в основном диалектальная лексика. Кое-что, однако, они брали и из древнорвежского или древнеисландского. Так, например, Осен ввел слова *landslyd* «пацая» вместо обычного в датском и риксмоле слова *nation*, *huslyd* или *varnad* «семья» вместо *familie*, *döme* «пример» вместо *eksempel*, *gangverk* «машина» вместо *maskine*, *utkoma* «результат» вместо *resultat*, *freistnadleg* «экспериментальный» вместо *eksperimental* и даже *Nordholva*, *Sudholva* и *Vesterholva* вместо *Europa*, *Afrika* и *Amerika*. Он стремился также устранить все слова, совпадающие с датскими словами. Так, например, он ввел слова *upplysnad* «просвещение», *fortelnad* «рассказ», *verknad* «действие» вместо датских *oplysning*, *fortælling*, *virkning*, на том основании, что суффикс *-ing* или *-ning* свойствен датскому языку (хотя он свойствен также и норвежским диалектам в меньшей степени, ср. норвежские диалектальные *upplysning*, *forteljning*, *verkning*), тогда как суффикс *-nad* сохранился только в норвежских диалектах (хотя и не обязательно в данных словах). Таким образом, он шел на отдаление от датского языка даже ценой одновременного отдаления от норвежской народной речи. В дальнейшем своем развитии лансмол, хотя и остается пуристичным (в чем и заключается основное отличие его лексики от лексики риксмолы), но все же больше считается с лексикой, действительно наличной в народной речи.

Таким образом, лансмол отнюдь не представляет собой чего-то единообразного и установившегося. Напротив, в лансмоле непрерывно происходит процесс отбора, но в другом направлении, чем в риксмоле. Уже у Осена лансмол разных периодов неодинаков. У первых последователей Осена расхождения достигают значительных размеров. Так, лансмол Винье — крупнейшего из норвежских авторов, писавших на лансмоле, — сильно отличается от лансмолы Осена. По морфологии и фонетике его лансмол приближается то к телемаркскому, то к эстланскому диалекту, тогда как по синтаксису его лансмол основан на разговорном языке Осло. Например, окончание единственного числа существительных сильного склонения женского рода с суффиксированным определенным артиклем было у Винье сначала *-i* (*soli*), как у Осена, потом оно стало *-e* (*sole*) как в ряде внутренних районов Норвегии, еще позже оно стало *-a* (*sola*), как в Эстлане и в современном риксмоле. При этом Винье то изгоняет все иностранные слова, заменяя *fortepiano* «фортепиано» на *hardblaut*, *krinoline* «кринолин» на *sprikestakk*, *fallit* «банкротство» на *busliten* и т. п.

то ратует за применение в лансмоле таких слов, как *civilisation* «цивилизация», *autoritet* «авторитет», *kultur* «культура», *ideal* «идеал» и т. д.

С другой стороны, у некоторых бергенских последователей Осена лансмол представляет собой дословный перевод с датского на древнорвежский, с некоторыми отступлениями от древнорвежской орфографии, но с полным сохранением датского книжного синтаксиса. Обычно, однако, лансмол каждого автора приближается к родному диалекту данного автора, притом не только в фонетике (что неизбежно, поскольку у лансмолы нет единообразного произношения, нет произносительного стандарта), но также и в морфологии. Поэтому колебания в формах слов у разных авторов велики. Так, в лансмоле XIX в. для множественного числа с суффиксированным определенным артиклем от слова *kona* «жена» встречаются формы *konogna*, *konogne*, *konone*, *konunne*, *konune*, *konene*, а от слова *barн* «ребенок» — формы *borni*, *borne*, *borna*, *bonni*, *bonne*, *bonna*, *boni*, *bone*, *bona*, *barна*.

В сущности не менее изменчив был и риксмол. При этом направление, в котором он развивался, т. е. приближение к городскому разговорному языку, было вместе с тем и приближением к лансмолу. Городской разговорный язык был как бы той передаточной инстанцией, которая отбирала из диалектов то, что было в них общенорвежского, т. е., что было свойственно всем норвежским диалектам (как «слоговое равновесие», сохранение глухих смычных и т. д.), и передавала эти общенорвежские черты риксмолу, «норвегизируя» его. Поэтому все те формы, слова или обороты, которые вошли в риксмол в результате его «норвегизации», обычно еще раньше вошли в лансмол как общенорвежские диалектальные черты. Так, получающие все большее распространение в риксмоле дифтонги вместо монофтонгов (*stein* «камень» вместо *sten*, *hauk* «ястреб» вместо *hfk*), формы женского рода вместо форм общего рода (*boka* «книга» вместо *boken*, *lita* «маленькая» вместо *liten*), формы множественного числа среднего рода с суффиксированным определенным артиклем на *-a* (*beina* «ноги» вместо *bevene*) и т. п. всегда были правилом в лансмоле.

Еще до орфографических реформ XX в. риксмол не был единообразен. Так, риксмол сказок Асбьёрнсена и Му по своему народно-разговорному синтаксису и стилю был образцом для лансмолы, как это признавал сам Осен. Напротив, риксмол многих писателей XIX в. (в частности раннего Ибсена) был совершенно неотличим от датского письменного языка. В результате орфографических реформ XX в. (особенно реформы 1917 и 1938 гг., которые ставили себе целью сближение риксмолы с лансмолем и которые оставляли большую свободу в выборе форм) риксмол стал значительно менее единообразен. Возможными стали больше или меньше «норвегизированные» его разновидности. В некоторых случаях, особенно в школьных учебниках, риксмол становится почти неотличим от лансмолы. Это в свою очередь вызывает противодействие сторонников традиционного риксмолы, которые называют язык таких учебников «колбасным языком» (*rflsemaal*), поскольку он представляет собой как бы фарш из риксмолы и лансмолы, и высказывают опасение, не три ли теперь языка в Норвегии вместо двух.

Конечно, для утверждения, что в современной Норвегии три языка, не больше оснований, чем для утверждения, что в ней два языка. Очевидно, что нельзя считать риксмол и лансмол двумя национальными языками. «Нет нации, которая бы говорила сразу на разных языках»². Риксмол и лансмол это только разновидности национальной нормы, процесс становления которой, ни в ее письменной, ни в ее устной форме, в Нор-

² И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 294.

вегии еще не завершился. Риксмол и лансмол это как бы две стороны одного процесса, характерного для всякого национального языка, именно — процесса выработки национальной нормы.

Лансмол — проявление центробежной тенденции этого процесса. Напротив, риксмол — проявление центростремительной тенденции того же процесса. В силу специфических исторических условий, о которых речь была выше, эти тенденции оказались в Норвегии поляризованы в две разные формы литературного языка. Лансмол обеспечивает возможно более широкую диалектальную, т. е. народно-разговорную, основу национальной нормы, тогда как риксмол обеспечивает за этой нормой центральное положение в стране. Но сам по себе и риксмол, несмотря на его более центральное положение, не является еще национальной нормой, так как и он немалым без лансмол, из которого он черпает все, что может стать элементами национальной нормы. Взаимодействуя друг с другом и образуя противоречивое единство, эти две формы норвежского литературного языка развиваются в направлении будущей единой национальной нормы.

Перспективы дальнейшего развития норвежского языка могут быть намечены только в самых общих чертах. Несомненно, что в условиях капитализма, когда сохраняется различие между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, национальная норма не может охватить все общество, не может полностью отеснить местные диалекты. Но поскольку будут существовать норвежские местные диалекты, значительно отличающиеся от городского разговорного языка, постольку будет существовать и почва для двух разновидностей национальной нормы, т. е. риксмол и лансмол. Вероятно, все же риксмол и лансмол будут в дальнейшем все больше сближаться. Но даже если бы в дальнейшем и не произошло их слияния, а одна из этих форм норвежского литературного языка — скорее все же лансмол — отмерла бы, все равно нельзя было бы игнорировать роль, которую эта отмершая форма сыграла в процессе становления норвежской национальной нормы в силу влияния оказанного ею на другую форму в ходе борьбы с ней.
